

РЕЦЕНЗИИ

В. П. СТЕПАНЕНКО

Рец. на кн.: Свод армянских памятных записей, относящихся к Крыму и сопредельным регионам (XIV-XV вв.) / Составление, русский перевод, введение и примечания Т. Э. Саргсян. – Симферополь: СОНАТ, 2010.

Рецензируемый том вышел под грифом двух учреждений – Научно-исследовательского центра крымоведения и Института древних рукописей Республики Армения – Матенадарана имени Месропа Маштоца, что изначально предполагает высокий научный уровень данного издания. Действительно, в нем собраны хишатакараны армянских рукописей, переписанных, преимущественно, в Солхате – крупном экономическом, политическом и культурном центре золотоордынского Крыма. Всего учтены 176 рукописей, памятные записи которых содержат от весьма существенной информации до всего лишь года и места переписки. Часть из них утрачена и воспроизводится по изданиям XIX в., часть по каталогам собраний армянских рукописей от Матенадарана до Сан Ладзаро.

Переводам предшествует обширное введение (с. 5-56), в котором автор кратко излагает известную по нарративным и эпиграфическим источникам, а также трудам предшественников историю армянских колоний в Крыму. Данная часть работы имеет сугубо информативный характер, вводя читателя в проблематику темы.

Следует отметить, что предполагаемая автором численность армянского населения Крыма в XIV-XV вв. опирается на явно недостоверные данные армянских авторов XVII в., для которых предшествующий период был золотым веком армянской диаспоры в Крыму.

В этой связи, даже в качестве гипотезы, невозможна воспроизведенная автором интерпретация миграции армян из Сарая (какого? Их было два – *В. С.*) в Кафу на основании все тех же апокрифов XVII в. После разорения Ани в 1236 г. армянское население переселилось в Сис, Ван, Джугу и Сарай. «Те, кто по приказу хана обосновался в Сараях, что находился между Казанью и Астраханью, пробыли там недолго: в 1299 г., теснимые татарами, они обратились к генуэзцам с просьбой поселиться в Кафе. Получив согласие консула, армяне Сарая с оружием в руках прорвали татарское сопротивление, проложили себе путь и в 1330-1331 гг. добрались до Крыма. ... По мнению некоторых авторов, чис-

ленность армян, покинувших Сарай, составляла несколько десятков тысяч человек» (с. 47). Правда, госпожа Саргсян отмечает, что автор поэмы Мартирос Крымечи, «не имея документальных записей под рукой, вынужден был черпать свои сведения об исторической судьбе переселенных в Сарай жителей Ани из устных сказаний», в достоверности коих наш автор не сомневается. Однако есть все основания усомниться если не в самих фактах, то в их интерпретации авторами XVII в., хотя бы потому, что золотоордынским армянам, чья колония зафиксирована в Сарае археологически, не было необходимости «с оружием в руках прорывать татарское сопротивление» и пролагать себе путь в золотоордынский же Крым.

И хотя в дальнейшем автор подвергает эту информацию обоснованному сомнению (с. 48-49), предполагая, что она отразилась бы в хишатакаранах 30-х гг. XIV в., ее собственное предположение о том, что сарайские армяне переселились в Крым после смерти хана Тохты (1312 г.), не более, чем гипотеза, призванная объяснить упоминание армян в Уставе Кафы 1316 г. Здесь, вероятнее, противоположное направление переселения: Бардрз Хайк – порты южного берега Черного моря – Крым – Сарай, но не наоборот. И лишь позже могли иметь место расселение армян по территории Золотой Орды и внутренние миграции. Параллельно шла эмиграция все из того же Бардрз Хайка и Киликии, особенно возросшая к концу XIV в.

История Киликии, по крайней мере первых ста лет существования, детально исследована Ж. Дедеяном, к труду которого было бы желательно обратиться, так как монография Г. Г. Микаэляна, при всем уважении к автору, к настоящему времени несколько устарела. В принципе, при создании работы подобного рода принято начинать с историографии – кто, когда и зачем писал по данной проблематике до появления настоящего труда. В противном случае создается ложное впечатление о том, что кроме книги В. А. Григоряна «На крымской земле» до госпожи Саргсян никто этим не занимался. Только после прочтения списка использованной литературы и прим. 1 на с. 35 становится ясным, что это не так и что даже по названию данная работа следует известной публикации Х. Кучук-Иоаннесова, где был издан ряд переводов армянских памятных записей и дана их интерпретация. Из комментариев к переводам Т. Э. Саргсян также видно, что ряд хишатакаранов был полностью или частично переведен Х. Кучук-Иоаннесовым, Э. Корхмазян и другими. Это принято указывать в историографии. Тем более, что в комментариях не отмечается, чем же данный перевод отличается от предшествующих и отличается ли. Так что работы предшественников Т. Э. Саргсян приходится выискивать из примечаний к введению. Не все ссылки на них обоснованы. Так, мнение об армянской принадлежности семейства Гаврасов, потомки которых, якобы, правили в Феодоро, давно уже отвергнуто как ошибочное и продолжает фигурировать как факт лишь в популярных изданиях по истории Крыма. Это мнение восходит к А. А. Васильеву, который предельно

ясно оговорил его гипотетичность. Ссылка на статью Р. М. Бартикяна не спасает положения, так как, вопреки мнению Т. Э. Саргсян, Таронитами, т.е. ветвью рода Багратуни, правившей Тароном до 966 г., Гаврасы Трапезунда в XII в. не были, и Р. М. Бартикян так не считает.

В этой связи было бы желательно отделять научную литературу, как источник информации, от крымского краеведения XIX в., зачастую оперировавшего предельно недостоверными или нуждающимися в проверке данными. Так, сообщение о переселении в Стамбул из Кафы после 1475 г. 40 тысяч христиан (с. 13) было бы желательно подкрепить данными источников XV в., но не мнением В. Кондораки, как, впрочем, и информацию о переселении тысяч армян в Крым из Сарая в 30-е гг. XIV в., основанную на источниках XVII в. – поэме Мартороса Крымца (1690), к тому же не дающей датировку события, что отмечает и сама Т. Э. Саргсян. Формула «есть мнение» без ссылки на источник сего мнения здесь неприемлема (с. 47, прим. 2).

История рукописей, переписанных в Крыму, современные места их хранения, каталогизация и издание хишатакаранов, фамилии далеко не всех предшественников Т. Э. Саргсян занимают с. 14-21 и завершаются списком тех, кому автор обязан помощью в работе. После этого внезапно начинается характеристика хишатакарана как такового (с. 22-29), сводная таблица мест переписки по данным рукописей (с. 25-28) и таблица представителей клира, упомянутых в хишатакаранах (с. 32-34). В принципе, изучение структуры армяно-григорианских, католических и православных епархий Крыма выходит за рамки заявленной темы. Остается предположить, что ранее данная тематика уже была исследована автором, повторяющим свои выводы на с. 28-41. Отметим здесь, что вряд ли епископ Констандин из Сиса приехал в Кафу в 1413 г. «по поручению католикосата и киликийской знати» (с. 36). О какой знати идет речь после падения Сиса в 1375 г.?

Более интересны и показательны приводимые автором сведения о внутриполитической ситуации в Золотой Орде (с. 40-44) и о контактах армянских общин Ближнего Востока и Восточной Европы (с. 36-37, 45). Данная информация дает возможность объяснить появление в Крыму киликийских рукописей высочайшего качества, переписанных в Скевре и Дразарке и принадлежавших ранее членам царской фамилии (тому же Смбату Спарапету). Хотя появиться в Крыму они могли не непосредственно после падения Сиса, но после скитания по различным армянским общинам Ближнего Востока, как, впрочем, находиться вне Крыма, но являясь образцами для местных писцов, ездивших туда с целью копирования рукописей.

Информация о судьбах переписчиков и скрипториях XIV-XV вв. полезна, но стереотипна и известна по работам предшественников Т. Э. Саргсян от Л.С. Хачикяна до Э. М. Корхмазян, на которые автор и ссылается. Возможно, это необходимо для полноты информации о художественной жизни армянских колоний в целом и крымских в частности (с. 50-56).

Собственно, переводы памятных записей составляют основу труда (с. 57-170). Все они снабжены комментариями – от весьма значительных по объему (см., например, № 109) до предельно кратких (№ 110). К переводам приложен «общий указатель» рукописей с указанием на жанр, место и дату переписки, переписчика, заказчика и место хранения. Но им крайне неудобно пользоваться, и он никак не заменяет традиционных индексов – именного и географического.

К сожалению, работа не вычитана, и в ней встречаются стилистические погрешности, как, например, «непечатные источники» (с. 272). В русском языке этот термин имеет несколько иной смысл. Возможно, качество работы было бы много выше, если бы она подверглась грамотной редакции. Но, судя по всему, указанные в качестве рецензентов господина В. В. Лавров и В. А. Ишин весьма далеки от проблематики данного труда. Как следствие, можно констатировать, что при всей чрезвычайной полезности рецензируемого издания для исследователей, не владеющих грабаром, его научный уровень оставляет желать много лучшего.

В заключение следует отметить, что отождествление Т. Э. Саргсян, сделанное в ее докладе на конференции «Память в веках», места переписки Синаксаря 1311 г. «области Керсон» с областью Херсона-Херсонеса ошибочно, как и локализация около него Кармир ванка. Заказчик переписанной в Сисе рукописи, епископ Констандин был настоятелем монастыря, расположенного в Приевфратье около Керсона-Крессона-Кесуна. В XI в. крепость входила в состав византийской фемы Самосата («Приевфратские города»), после 1032 г. – фемы Эдесса. В конце XI в. после Манцикерта (1071) крепостью овладел эмигрант из Армении Васил Гох, которому наследовал приемный сын Васил Тга, изгнанный из Кесуна, Рабана и Бехесни графом Эдессы. Кармир ванк ранее принадлежал яковитам, был отнят у них Гохом, о чем пишет Михаил Сириец. История княжества Гоха известна по «Хронографии» Матэоса Урхайеци, «Хронике» Михаила Сирийца, латинских хронистов и исследована в монографии Ж. Дедеяна.